

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.4.16>

UDC 323.1(470.6)
LBC 63.3.(235.7)

Submitted: 19.07.2016
Accepted: 25.07.2016

**BOOK REVIEW: KHLYNINA T.P., KRINKO E.F.
HISTORY, POLITICS AND NATION BUILDING IN THE NORTH CAUCASUS:
MONOGRAPH. – ROSTOV-ON-DON, IZD-VO YUNTS RAN, 2014. – 434 p.**

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The author of the review reveals the research approach of the monograph's authors – T.P. Khlynina and E.F. Krinko to the analysis of the interconnection of historical memory, politics and nation building in the North Caucasus. The author also reveals the argumentation of authors' evaluations of Soviet nation building in the region, interactions of state power with ethno-political movements, methods of historical memory institutionalization in the North Caucasus.

Key words: historiography, history, politics, nation building, North Caucasus, 20th – 21st centuries.

УДК 323.1(470.6)
ББК 63.3.(235.7)

Дата поступления статьи: 19.07.2016
Дата принятия статьи: 25.07.2016

**РЕЦ. НА КН.: ХЛЫНИНА, Т. П. ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА
И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ [ТЕКСТ] :
МОНОГРАФИЯ / Т. П. ХЛЫНИНА, Е. Ф. КРИНКО. – РОСТОВ н/Д : ЮНЦ РАН,
2014. – 434 с.**

Андрей Владимирович Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Раскрыт исследовательский подход авторов монографии Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко к анализу взаимосвязи исторической памяти, политики и нациестроительства на Северном Кавказе. Выявлена аргументация авторских оценок советского нациестроительства в регионе, взаимодействий государственной власти с этнополитическими движениями, каналов и методов институционализации исторической памяти на Северном Кавказе.

Ключевые слова: историография, история, политика, нациестроительство, Северный Кавказ, XX–XXI вв.

Монография известных историков-кавказоведов Т.П. Хлыниной (безвременно скончавшейся в 2015 г.) и Е.Ф. Кринко относится к числу ломающих стереотипы книг. Перед нами одновременно и исследование истории

народов Северного Кавказа (в основном XX в.), и исследование современного нациестроительства, институтов и практик конструирования исторической памяти и этнической идентичности. Для работ профессиональных

историков привычна работа с архивными документами. В рецензируемой же монографии важную роль играют интервью с участниками формирования исторической памяти и самосознания – активистами национально-культурных организаций, историками и политологами. История и современность весьма сложно устроенного Северного Кавказа не противопоставляются авторами, а «прорастают» друг в друга. Камертоном такого исследовательского подхода звучит эпиграф из работы В.А. Шнирельмана: «...история, которую пишут профессиональные историки, тоже является разновидностью социальной памяти, и я бы не стал резко противопоставлять ее последней... Ведь то “прошлое”, которое представляют себе современные образованные люди, в той или иной мере связано с историческими знаниями, добываемыми профессиональными историками. Поэтому скорее следует согласиться с современными исследователями в том, что “история и коллективная память вплетаются в сложную ткань национального и культурного самосознания”, и это превращает историческую реальность в культурную конструкцию» [4, с. 9].

Тема рецензируемой книги, бесспорно, актуальна. В постсоветский период история народов Северного Кавказа стала «полем битвы» взаимоисключающих версий прошлого, зачастую идеологизированных и весьма далеких от научной доказательности. Обычно профессиональные историки сосредоточивают свои усилия на опровержении тех или иных пристрастных трактовок событий. Это нужная работа, однако она напоминает битву с чудиком, у которого постоянно вырастают новые головы. Авторы монографии избрали иной, более трудный и нестандартный, но и более перспективный путь. Они выясняют, кто и как решает вопросы этнополитики на Северном Кавказе; каким образом формируют историческую память региональные музеи, программы и учебники национального образования, национально-культурные автономии.

Источниковую основу монографии составили не только архивные документы, но и интервью, проведенные во время полевых исследований в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии – Алании, Чечне, Ростовской области и Краснодар-

ском крае. Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко признают, что по мере сбора материалов и общения с респондентами замысел книги менялся. Полифония восприятия прошлого представителями русских, украинских, армянских, черкесских, чеченских, осетинских, еврейских этнокультурных сообществ складывалась в целостную систему. Как отмечают авторы, сравнение этнических «образов прошлого» помогло понять, «как и посредством чего на сегодняшний день представители разных народов поддерживают национальное самосознание и преодолевают груз обид прошлого» [4, с. 13].

Первая из семи глав работы освещает взаимодействие исторической науки, исторической памяти и исторической политики в современной России. Акцент сделан на осмыслении принципиально новых закономерностей развития исторического сознания. Приводятся размышления С.П. Капицы о том, что время и возможный для активного использования людьми объем информации уплотнились до предела, состоялось сокращение диапазона памяти [1, с. 3–16]. Вследствие этого новые поколения россиян воспринимают события 1980-х гг., не говоря о более отдаленных, как «давно прошедшее время». Сказывается игровое, виртуализированное восприятие реальности, которое превращает прошлое в подобие компьютерного квеста, размывая нравственные критерии и ориентиры. Профессиональные историки, как и представители других социально-гуманитарных наук, теряют свои статусные позиции в обществе стремительных перемен. Они больше не воспринимают самих себя, и их не воспринимают извне общество и власть как «властителей дум», создателей нравственных ориентиров страны [4, с. 29].

В чем же тогда смысл профессии историка сегодня? Авторы монографии цитируют интервью с М.В. Пономаревым. Респондент видит два созидательных предназначения историка: формировать внутренне непротиворечивое сознание нации и поощрять историческую рефлексию общества, его переосмысление ключевых вопросов: что происходит? куда мы идем? во имя чего? [4, с. 34–35]

Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко стремятся объяснить болезненное пристрастие ряда ре-

гиональных сообществ России к конструированию своей гиперпозитивной истории. Повышенный интерес к этническим и религиозным традициям, определенная идеализация прошлого воспринимаются как болезненная реакция на конфликты модернизации. Реформы последнего тридцатилетия в России поставили под угрозу возможность сохранения и ретрансляции историко-культурного наследия в условиях нивелирующих воздействий глобализации [4, с. 22–23]. В ситуации, когда государство самоустранилось от выражения своей концепции истории в целом и ее важнейших событий, вакуум стали заполнять этнизированные версии прошлого. История Северного Кавказа, до «перестройки» сводимая (подчас лакировочно) к дружбе народов и вкладу в «большую» историю союзного государства, начала рассыпаться на изолированные «истории» народов и местностей. Воздействие российского общества на регион подчас рассматривалось в 1990–2000-х гг. через кривое зеркало «геноцида», «разрушения многовековой традиции и культуры», «исторической несправедливости» [4, с. 46–47]. Но это означало не только эмоциональную переоценку событий прошлого.

Негативные шаблоны оценок Кавказской войны, национально-государственного строительства, депортаций, болезненная замкнутость на этих темах решали для этнических элит Северного Кавказа задачу политического перекодирования сознания, конструирования принципиально новой подконтрольной идентичности [4, с. 50]. Такое восприятие истории опасно и для его создателей – историков, журналистов, чиновников, и для самих региональных сообществ, поскольку создает автостереотипы «вечной жертвы» и противостояния государству. Оставшись после самоустранения государства из идеологической сферы «наедине» с историческими мифами, соперничающие элиты в регионе, где живут почти 200 народов, втягивали сами себя в безысходные споры: кто древнее, кто «коренной», а кто «пришлый», у кого больше прав на государственность.

Таким образом, как полагают авторы монографии, история может утрачивать свой созидательный потенциал, становясь источником конфликтов и роста напряженности в

обществе. История должна вернуть свое академическое предназначение, а профессиональные историки – осознать свою ответственность в обеспечении «социально приемлемого и безопасного прошлого» [4, с. 68].

В начале XXI в. Российское государство стало понемногу возвращать свою надлежащую роль охранителя исторического знания. Органы власти формируют историческую политику, то есть систему практик формирования государственно одобряемых интерпретаций исторических событий. Историческая политика в своем развитом состоянии предполагает продуманную систему институтов: органов власти, образовательных учреждений и программ, музеев, архивов, специализированных СМИ, которые создают желательный образ истории и противостоят фальсификациям [4, с. 70]. Однако имеющийся на сегодняшний день опыт исторической политики в РФ нельзя признать эффективным. Авторы монографии приводят пример действий Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, существовавшей с 2009 по 2012 год [4, с. 70–74]. Более успешна активность Российского исторического общества. Много надежд возлагается на разработку историко-культурного стандарта и серии учебников истории для средней школы. В то же время авторы отмечают тревожные тенденции – попытки аргументировать официальные оценки прошлого состоянием общественного мнения, при том что итоги опросов весьма неопределенны и респонденты легко поддаются внушению. Опасна сама идея административного контроля над мнениями профессиональных историков, а тем более вынесение историографических дискуссий в плоскость судебных исков и решений [4, с. 77–85].

Вторая глава монографии освещает советский проект нациестроительства, его практики и итоги. Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко оценивают суть советской национальной политики как конфликт между дореволюционными взглядами большевистского руководства и послереволюционным реальным курсом строительства «воображаемых сообществ» – социалистических наций [4, с. 93]. Тем самым авторы последовательно применяют конструктивистское объяснение этничности [4, с. 59].

Они показывают, что даже сама категория «национальная политика» малоприменима к Российской империи как минимум до середины XIX в., а осмысливать реалии управления полиэтничным обществом полезнее на основе отечественной правовой и исторической традиции [4, с. 94–95]. Тем более спорен идеологизированный штамп «Российская империя – тюрьма народов». В монографии приводятся примеры неопределенности и робости политики этнических элит окраин империи даже в период Февральской революции 1917 года. Рост же амбиций – от умеренных автономистских лозунгов к федералистским и даже (в ряде случаев) сепаратистским требованиям – происходил во многом вследствие слабости центральной власти, а не силы «народных движений». Этот важный тезис иллюстрирован примерами Северного Кавказа 1917–1920 годов. Например, ориентация узких групп горской интеллигенции на Турцию не нашла народной поддержки [4, с. 98].

Можно сказать, что большевики и страны-интервенты соревновались в раздаче обещаний «пробудившимся» народам российских окраин и советский проект национального самоопределения оказался более привлекательным. Это был проект «выращивания» наций из конгломерата племен, народностей, находившихся на качественно разных стадиях развития и подчас не проявлявших значимые признаки национального самосознания.

В рецензируемой монографии глубоко исследуются теоретические воззрения В.И. Ленина и И.В. Сталина на «национальный вопрос» до и после революции, в частности, трактовки самоопределения наций, выбора между императивами мировой пролетарской революции и изолированного социалистического государства – «империи положительного действия» (по удачной метафоре американского специалиста Т. Мартина) [2, с. 28–29]. Новизной обладают доводы авторов о том, что сталинская доктрина «автономизации» уже с 1913 г. сильно отличалась от ленинских взглядов на проблему [4, с. 102–104]. Она подкреплялась нежеланием местных партийно-советских руководителей развивать самоопределение, яркие примеры которого наблюдались в Белоруссии, Украине и Туркестане. Важно, что национальная политика рассматривается авторами

в более широком контексте строительства социализма, геополитического соперничества изолированной Советской России/СССР с капиталистическим окружением.

Особый интерес представляет параграф 2.2 «Черкесский вопрос»: незавершенный проект нациестроительства на Северном Кавказе» [4, с. 108–122]. Достаточно частный аспект Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко расценивают в качестве проявления важных закономерностей общесоюзного уровня. Так, на основе советской доктрины нациестроительства в практиках этнополитики и сознании народов (NB. – А. Б.) «утвердилось представление о том, что полноценность любой нации определяется территориальной консолидацией составляющих ее этнических групп, высшей формой проявления которой выступает национальная государственность» [4, с. 108]. Это способствовало этнической консолидации и росту самосознания групп, которым предстояло стать нациями по-советски. Авторы монографии рассматривают сложные перипетии административно-территориальных преобразований 1918–1940 гг. на Северном Кавказе, объясняя политические мотивы ключевых решений. В частности, указаны хозяйственное и этническое тяготение различных автономий, их взаимные конфликты, стремление органов власти нарастить экономический потенциал автономий за счет присоединяемых к ним русских местностей, классовые интересы. Повышение статуса той или иной автономии Северного Кавказа от автономной области до автономной республики воспринималось в их этнической среде как «обретение полноправной государственности» [4, с. 120–121]. И в этом крылся источник роста будущих противоречий, так как рост этнического самосознания вел уже к требованиям территориальной интеграции нескольких автономий с проживанием адыгских народностей (Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии), а также к ответным требованиям интегрировать Карачай и Балкарию. Такие предложения местных руководителей не соответствовали императивам сплочения Советского государства.

В параграфе 2.3 внимание уделено курсу «коренизации», проводившемуся в 1923–1932 годах. Сравнивая сложившиеся у совре-

менников и в историографии значения термина, Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко отдают предпочтение трактовке в резолюции III Всесоюзного съезда советов (1925 г.) [3, с. 82–83]. «Коренизация» понималась как политика вовлечения национальных меньшинств, преимущественно автохтонных для данной административной единицы, в государственное строительство. Ее основными направлениями считались в 1925 г. выдвижение «национальных кадров» в партийный и советский аппарат власти, подготовка квалифицированных специалистов, перевод делопроизводства и образования на «коренные» языки [4, с. 124]. Однако авторы монографии резонно подмечают, что до 1925 г. такой курс назывался «национализацией», а И.В. Сталин никогда не применял термин «коренизация» [4, с. 124]. От себя добавим, что такой беспрецедентный в мире курс этнополитики ослаблял интеграцию общества и государства, по сути выращивая и оправдывая центробежные намерения местных партийно-государственных чиновников и интеллигентов.

Авторы монографии на основе архивных материалов по Адыгее и Карачаево-Черкесии показывают противоречия «коренизации». На деле вырисовались две линии реализации политики: ревностная, чреватая местным национализмом, и смягчающая – имитационная [4, с. 126–130]. Проявлялись и чисто прагматические трудности: кадровое выдвижение представителей этнических меньшинств, обучение языкам «коренных» национальностей всего партгосаппарата, выселение меньшинств с целью создания этнически однородных ареалов проживания, ликвидация неграмотности и создание этнических алфавитов.

В параграфе 2.4 авторы раскрывают тенденции формирования партийно-государственных элит автономий Северного Кавказа. Внимание уделено причинам создания Горской АССР и опыту ее кадровой политики в 1921–1924 годах. Показано, что воплотить в жизнь благое намерение – создать большевистскую по сути и полиэтничную по форме элиту – было крайне трудно, если вообще возможно. Сказывались низкий уровень образования представителей многих народов в партгосаппарате, личные амбиции, межэтническое соперничество. Отказ от территори-

альной ротации кадров привел к становлению этнически однородных элит, что сыграло в 1980-х гг. пагубную роль в ослаблении СССР. Рассмотрены изменения кадровой политики после раздела Горской АССР. Особое внимание уделено Чеченской автономии, где, по сути, сохранялось в 1920–1930-х гг. двоевластие слабо знавших регион посланцев центра и местных чиновников, часто проявлявших нелояльность.

Вторая глава завершается весьма интересным параграфом о создании казачьих автономных районов на Тереке в середине 1920-х годов. Принципиально важно, что тема раскрыта на основе документов Центрального государственного архива Республики Северной Осетии – Алании. Новизной обладает сообщение о том, что казацкие сходы станиц Северной Осетии и Кабарды надеялись в 1925 г. на воссоединение в округ, напрямую подчиненный Северо-Кавказскому краю [4, с. 151–153]. Но это не могло сбыться. Решение вопроса зависело от земельных противоречий между казачьим и горским населением, от политических настроений каждой из групп, отягощенных памятью о конфликтном прошлом. Возобладал компромиссный вариант: создание автономного Притеречного округа, но по-прежнему в составе Северной Осетии (существовал с 1925 по 1933 г.). Вопрос решался бюрократически, например, терские казаки именовались в официальных документах «национальным меньшинством» [4, с. 155–156]. Важно, как подмечают авторы, что даже такой краткий и локальный опыт казачьей автономии до сих пор воспринимается активистами казачества в качестве подтверждения его этнической сути и прав на государственность [4, с. 156–157]. Далее анализируется современный спор о сущности казачества: что это – этническая группа, профессиональное или политическое сообщество? Приводятся противоречивые точки зрения законодателей южнороссийских регионов и общественных организаций на современное казачество [4, с. 158–161].

В целом же советская стратегия нациестроительства, ее практики и идеологическая фразеология до сих пор сохраняют свою власть над умами, используются в качестве доводов для принятия политических решений.

Третья глава монографии содержит исследование организационных форм проведения этнополитики на Северном Кавказе. Авторы проводят параллель между советскими и современными практиками, отмечая длительное отсутствие после 2003 г. специализированного министерства национальной политики. В то же время и в советских, и в современных условиях данные задачи часто возлагались на экстраординарные органы управления. Например, таково существующее с 2014 г. Министерство РФ по делам Северного Кавказа. Во второй половине 1920-х гг. действовал Северо-Кавказский Краевой национальный совет по вопросам культуры и просвещения горских народностей. Рассмотрены также конкурирующие проекты территориального районирования Юга России, мотивы их выдвижения различными партийно-государственными деятелями и органами власти. Сделан важный вывод: именно в 1920-х гг. сформировался стереотип сознания элит, по которому квалифицированно разобраться в национальных проблемах способен лишь специализированный орган управления [4, с. 175].

Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко приводят детальные цитаты из интервью государственных и муниципальных служащих Ростовской области и ряда республик Северного Кавказа. Они дают возможность сравнить практики деятельности специализированных ведомств 1920-х и 2010-х годов [4, с. 162–218]. Интерес представляет оценка экспертами действий Консультативного совета по межэтническим отношениям при губернаторе Ростовской области, Палаты национально-культурных обществ и казачьих формирований, аналогичных ведомств в республиках [4, с. 398–428].

Особый интерес представляет ряд параграфов монографии, раскрывающих итоги экспертных интервью активистов Черкесского конгресса Адыгеи по теме репатриации черкесов-мухаджиров, Общественного парламента «Адыгэ Хасэ» причерноморских шапсугов [4, с. 184–218]. В них анализируются отношения этноактивистов к темам Кавказской войны 1817–1864 гг., мухаджирства, нацистротельства, Олимпийских игр 2014 г. в Сочи.

Вторая половина монографии посвящена исследованию институтов и практик конструирования национальной идентичности в

республиках Северного Кавказа. Внимание сосредоточено на роли музеев республик, мемориальных мест и календаря значимых исторических событий в формировании коллективной памяти [4, с. 219–280]. Важнейшими событиями обоснованно выбраны Кавказская война и Великая Отечественная война, наиболее глубоко повлиявшие на политизацию исторической памяти. Сравняются константы и изменения мемориальной культуры в республиках Северного Кавказа, а также на Дону и Кубани.

Рассматриваются основные этапы развития системы национального образования в регионе начиная с «коренизации» 1920-х – начала 1930-х гг. до современности. Внимание уделено опыту унификации национального образования во второй половине 1930-х – 1980-х годов [4, с. 281–397]. Кардинальный поворот к социалистическому унитаризму выразился в переводе языков этнических групп на кириллицу, репрессиях против региональных партийно-государственных работников и интеллигенции, расширении преподавания русского языка в национальных школах. Как обобщают авторы, к середине 1960-х гг. во всех республиках Северного Кавказа обучение детей русскому языку стало обязательным с 1-го класса.

Современный этап развития среднего и высшего образования в республиках Северного Кавказа (после распада СССР) весьма противоречив. Доминирующим вектором изменений законодательства и политических практик с конца 1980-х гг. до 2000 г. стало расширение полномочий и предметов ведения регионов. Это выразилось в принятии законов и иных нормативных правовых актов, устанавливавших право республик самостоятельно выбирать многообразные формы функционирования языков. Конституция Российской Федерации 1993 г. установила право республик – субъектов РФ вводить свои государственные языки наряду с государственным русским языком. Однако в заявлениях этнополитических движений, многих политиков и журналистов 1990-х гг. на деле проводился курс приоритетности языков местных народов, а русскому языку отводилась неопределенная роль «языка межнационального общения» [4, с. 320–321]. Предпринимались попытки перевести языки «титულных» народов на латини-

цу, реальными мотивами которых было намерение повысить самостоятельность народов, вывести их из-под российского культурного влияния. В этом же русле действовала тотальная критика советского периода истории, которому противопоставлялся «положительный» опыт модернизации Турции в XX веке. Наиболее радикальные формы данный курс обрел в условиях сепаратистского режима в Чечне (1991–1994 и 1996–1999 гг.), но восстановление законного суверенитета Российской Федерации в регионе пресекло эти пагубные эксперименты [4, с. 326–327].

Принципиальным различием языковой и образовательной политики на Северном Кавказе 1990-х и 2000–2010-х гг. является ее целеполагание, как показано в 5-й и 6-й главах монографии [4, с. 281–397]. В 1990-х гг. законодатели и политики республик исходили из установки равноправного, но автономного, по сути изолированного развития языков. Но ввиду снижения реального политического статуса русского языка и федерального компонента образования началась обостренная конкуренция между региональными языками и этническими сегментами полиэтнических сообществ. Современный же этап характеризуется возвратом к верховенству общероссийских принципов и направлений, интеграции региональных культур в российскую полиэтничную культуру. Второй из вариантов более реалистичен и созидателен. Он подкрепляется принятием в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., а также Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)».

Завершающая, седьмая, глава содержит материалы экспертных интервью, проведенных авторами с лидерами национально-культурных автономий Ростовской области, а также комментарии к ним [4, с. 398–428].

В качестве замечания выразим несогласие с мнением авторов, по которому задачи и сфера деятельности специализированных органов власти в сфере этнополитики «провоцируют рост этнического самосознания, подтверждая самим фактом своего существования наличие присущих ему особых проблем» [4, с. 218]. Но отсутствие специа-

лизированных органов власти, в которых работают профессионалы, – зло на порядок большее. Выбор же задач деятельности и компетенций можно и нужно регулировать, для этого и существуют научная экспертиза и законотворчество.

Вместе с тем дискуссионные аспекты ни в коей мере не снижают оценку рецензируемой монографии как инновационного исследования важной темы.

В кратком, но теоретически емком заключении Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко осмысливают роль исторической памяти в современном восприятии на Северном Кавказе национальной политики. Советская модель нациестроительства, по обоснованному мнению авторов, не изжила до конца дореволюционные элементы традиционализма и учета этноклановых традиций. Механизмами решения проблем в это время были выбраны: ротация кадров по этническому признаку, соблюдение этнического паритета в региональном и местном руководстве, повышение статуса региональных культур, включая языки, институциональное закрепление коллективных статусов в виде иерархии форм государственности. Тем не менее нациестроительство субъективно воспринимается в нынешнем общественном мнении и экспертных оценках на Северном Кавказе как незавершенное, а зачастую и «неправильное». Самая практически значимая проблема, на наш взгляд, диагностированная в монографии, такова. В постсоветский период проводится курс, отвергающий советский национальный проект. Но современное нациестроительство во многом основано на сохранении и воспроизводстве советских практик (например, преемственности административно-территориального деления и сохраняющихся стереотипах относительно «титульных» народов). Книга завершается, однако, оптимистически. Авторы надеются, что взаимосвязь истории, политики и нациестроительства на Северном Кавказе постепенно будет терять свою актуальность и начнет «обходиться без прошлого, все больше ориентируясь на вызовы настоящего» [4, с. 433].

Итак, историческая наука и этнополитология получили весьма важное и нестандартное исследование. В нем исторические профессиональные выводы чередуются с

оценкой сюжетов текущей политики, а рекомендации не сформулированы напрямую. Умный и вдумчивый читатель сам сделает выводы. Вероятно, назрела необходимость становления научной отрасли знаний – исследований исторической политики, во что авторы монографии внесли свой весомый вклад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капица, С. П. Об ускорении исторического времени / С. П. Капица // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4. – С. 3–16.
2. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М. : РОССПЭН : Президент. центр Б.Н. Ельцина, 2011. – 855 с.
3. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик : сб. док. В 3 т. Т. 3. 1922–1936. – М. : Госполитиздат, 1960. – 398 с.
4. Хлынина, Т. П. История, политика и национализм на Северном Кавказе / Т. П. Хлынина,

на, Е. Ф. Кринко. – Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.

REFERENCES

1. Kapitsa S.P. Ob uskorenii istoricheskogo vremeni [On the Acceleration of Historical Time]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2004, no. 4, pp. 3-16.
2. Martin T. *Imperiya "polozhitelnoy deyatelnosti"*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939* [The Empire of "Affirmative Activity": Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., Prezidentskiy tsentr B.N. Eltsina, 2011. 855 p.
3. *Syezdy Sovetov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: sbornik dokumentov. V 3 t. T. 3. 1922-1936* [Congresses of USSR: Collected Documents. In 3 vols. Vol. 3. 1922-1936]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960. 398 p.
4. Khlynina T.P., Krinko E.F. *Istoriya, politika i natsiestroitelstvo na Severnom Kavkaze* [History, Politics and Nation Building in the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2014. 434 p.

Information About the Author

Andrey V. Baranov, Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, politics@kubsu.ru.

Информация об авторе

Андрей Владимирович Баранов, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, politics@kubsu.ru.